Письма с острова Скай

Автор:
Джессика Брокмоул

Письма с острова Скай

Джессика Брокмоул

Азбука-бестселлер

Эдинбург, 1940 год, Европа в войне. Случайная бомба, разворотившая стену дома, открывает тайник с ворохом старых писем, казалось бы утраченных навсегда. И чувство, четверть века назад связывавшее два сердца, разъединенные сперва океаном, затем кошмарами мировой войны, возрождается в Элспет Данн и толкает уже не юную женщину на безумную авантюру. Она едет в Лондон на поиски своего любимого…

Две войны, две любви, две разлуки… И надежда, без которой жизнь не имеет смысла.

Книга Дж. Брокмоул получила заслуженное читательское признание и переведена на многие языки мира.

Джессика Брокмоул

Письма с острова Скай

© Е. Копосова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (http://www.litres.ru/))

* * *

Душе моей, свету моему,

тому, к кому летит мое сердце, – Джиму

Глава первая

Элспет

Урбана, Иллинойс, США

5 марта 1912 года

Уважаемая госпожа!

Надеюсь, Вы не сочтете меня дерзким. Я пишу Вам, чтобы выразить восхищение Вашей книгой «Из орлиного гнезда». Должен признаться, что к любителям поэзии себя не отношу. Чаще меня можно увидеть с потрепанным экземпляром «Гека Финна» или иной приключенческой книжкой о смертельных опасностях и со счастливым спасением в финале. Но что-то в Ваших стихах затронуло меня, как ничто другое за многие годы.

Я лежал в больнице, и маленький том Ваших сочинений придал мне сил больше, чем медсестры. Одна из них, матрона с усиками, как у моего дяди Фила, тоже сильно зацепила меня, но в ином, менее приятном смысле. Обычно я надоедаю докторам просьбами разрешить мне встать и вернуться к привычным развлечениям. Буквально на прошлой неделе я выкрасил лошадь декана в синий цвет и надеялся сделать то же самое с его терьером. Но с Вашей книгой в руках я готов лежать здесь сколько угодно, при условии, что мне будут приносить апельсиновое желе.

Большинство Ваших стихов посвящены преодолению жизненных трудностей и покорению новых вершин. Как Вы могли догадаться, меня мало что может испугать (кроме усатой медсестры и ее настойчивого градусника). Но написать письмо публикующемуся автору вроде Вас, – пожалуй, это мой самый отважный поступок на сегодняшний день.

Адресую это письмо Вашему лондонскому издателю и скрещиваю пальцы в надежде, что оно Вас найдет. И если могу как-то отплатить Вам за окрыляющую поэзию – например, покрасить лошадь, – Вам достаточно сказать лишь слово.

С искренним восхищением,

Дэвид Грэм.

Остров Скай

25 марта 1912 года

Уважаемый мистер Грэм!

Видели бы Вы, какой переполох начался в нашем крошечном почтовом отделении. Все собрались посмотреть, как я читаю письмо от своего первого «поклонника», как вы, американцы, сказали бы. Должно быть, бедняги думали, что за пределами нашего острова никто и не слыхивал о моей поэзии. Не знаю, что их больше обрадовало: то, что кто-то действительно прочитал одну из моих книг, или то, что этот кто-то американец. Вы же там все разбойники и ковбои?

Да и я испытала некоторое удивление оттого, что мои скромные сочинения долетели до самой Америки. «Из орлиного гнезда» – совсем свежая книга, и я бы никогда не подумала, что она уже успела пересечь океан. Однако у Вас она есть, и мне приятно было узнать, что я не единственная, кто ее прочитал.

С благодарностью,

Элспет Данн.

Урбана, Иллинойс, США

10 апреля 1912 года

Дорогая мисс Данн!

Не знаю, что вскружило мне голову больше: новость о том, что «Из орлиного гнезда» – Ваша «свежая книга», или ответ от столь почитаемого поэта.

Разумеется, Вы очень заняты, отсчитывая стихотворный метр или составляя список искрометных (блестящих, сверкающих, ослепительных) синонимов. Я же провожу дни, грабя банки с шайкой Джесси Джеймса и прочими разбойниками и ковбоями.

Книгу мне прислал приятель, который учится сейчас в Оксфорде.

К своему удивлению и огорчению, других Ваших сборников в Соединенных Штатах я не обнаружил. Даже тщательные розыски в университетской библиотеке ни к чему не привели. Теперь, узнав, что на полках книжных

магазинов притаились и другие Ваши сочинения, я обращусь к своему знакомому с просьбой прислать мне еще несколько книг.

Я не ожидал, что окажусь первым «поклонником», написавшим Вам. Мне казалось, что мое письмо будет лишь одним из целой стопки, вот почему я из кожи вон лез, чтобы оно получилось запоминающимся и остроумным. Возможно, остальные читатели были не столь смелы (или не столь порывисты?), как я.

С уважением,

Дэвид Грэм.

P. S. Где это – остров Скай?

Остров Скай

1 мая 1912 года

Мистер Грэм!

Вы не знаете, где находится мой чудесный остров? Забавно! Так же забавно, как если бы я заявила, что никогда не слышала про город Урбану в Иллинойсе. Скай расположен на северо-западном побережье Шотландии. Это дикая, языческая, зеленая местность такой красоты, какой, по-моему, нет больше нигде. Посылаю Вам рисунок селения Пейнчорран, где я живу. Мой коттедж приютился между холмами, окружающими залив. Знайте: для того чтобы нарисовать этот пейзаж, мне пришлось обойти залив, взобраться по крутой овечьей тропе на противоположный холм и найти кусочек скалы, не покрытый вереском и овечьими экскрементами. Надеюсь, Вы ответите взаимностью и пришлете мне изображение Урбаны, что в Иллинойсе, добытое с неменьшей самоотверженностью.

Вы преподаете в Урбане? Учитесь? Боюсь, я совсем не представляю, чем американцы занимаются в университете.

Элспет Данн

P. S. Кстати, я миссис Данн.

Урбана, Иллинойс, США

17 июня 1912 года

Дорогая миссис Данн (прошу извинить мою оплошность)!

Помимо сочинения волшебных стихов, Вы еще и рисуете? Пейзаж, который Вы прислали, великолепен. Есть ли что-то, чего Вы не умеете делать?

Так как мои художественные способности ничтожны, вместо рисунков я шлю Вам открытки. На одной – университетская аудитория, на другой – башня на здании библиотеки. Неплохо, да? Вероятно, Иллинойс настолько не похож на Скай, насколько это вообще возможно. Ни горки на горизонте. Если выйти из кампуса, то вокруг, от края до края, одна кукуруза.

А занимаюсь я тем же, что и любой другой американский студент: учусь, ем слишком много пирожков, издеваюсь над деканом и его лошадью. Сейчас я заканчиваю курс естествознания. Мой отец надеется, что я поступлю в медицинский, а после стану практиковать вместе с ним. У меня нет таких четких планов относительно будущего, как у него. Пока я просто стараюсь доучиться последний год в колледже и не сойти с ума!

Дэвид Грэм

Остров Скай

11 июля 1912 года

Мистер Грэм!

«Есть ли что-то, чего Вы не умеете делать?» – спрашиваете Вы. Ну, я не умею танцевать. И выделывать кожу. Не умею делать бочки и бить гарпуном. К тому же я не очень хорошо готовлю. Вы не поверите, буквально вчера у меня пригорел… суп. Но зато я недурно пою, метко стреляю из ружья, играю на корнете[1 - Корнет (фр. cornet) – духовой музыкальный инструмент в виде узкой трубки с небольшим расширением с одной стороны, получивший широкое распространение в XVI–XVII вв.; звук инструмента пронзительный, как у трубы в высоком регистре.] (ну это все умеют), и еще я геолог-любитель. И хоть я не сумею прилично пожарить ягнятину, даже если от этого будет зависеть моя жизнь, зато у меня изумительно получается рождественский пудинг.

Простите за прямоту, но зачем посвящать все свое время (к тому же рискуя сойти с ума) области знаний, которая неблизка Вам? Если бы у меня была возможность учиться в университете, я бы ни минуты не потратила на предмет, который меня не интересует.

Мне нравится думать, что свои университетские дни я бы провела, изучая поэзию, так как не существует более приятного занятия, чем это. Однако я столько лет притворялась «настоящим поэтом», что вряд ли профессора смогли бы научить меня чему-нибудь, чего я еще не знаю.

Нет, как ни странно прозвучит это из уст женщины, я бы изучала геологию. Мой старший брат Финли постоянно в море, и он привозит мне камни прямо из океана. Мне всегда хочется понять, откуда они взялись и как оказались выброшенными на берега Внутренних Гебридов. Ой, Вы узнали мое самое сокровенное желание! Взамен Вам придется отдать мне своего первенца. Ну или, в самом крайнем случае, поделиться секретом. Если не естествознание, то что бы Вы изучали? Что бы Вы хотели делать в жизни больше всего?

Элспет

Урбана, Иллинойс, США

12 августа 1912 года

Дорогая Румпельштильцхен!

Если Вы обучите меня игре на корнете, я научу Вас танцевать!

Я не считаю, что женщинам неприлично заниматься геологией.

Как так вышло, что Вы не уехали со своего острова, чтобы учиться? Если бы я жил не в центральном Иллинойсе, а в местности, более интересной с точки зрения геологии, то вполне мог бы задуматься о сходной области наук. Я всегда хотел изучать американскую литературу – Твена, Ирвинга и им подобных, но отец отказался платить за то, чтобы я четыре года провел за «чтением сказок».

Чего мне хочется больше всего? У меня давно есть ответ на этот вопрос, но пока я не готов его обнародовать. Придется Вам все-таки обойтись моим первенцем.

Дэвид

Остров Скай

1 сентября 1912 года

Мистер Грэм!

Вы сумели меня заинтриговать! Кем же Вы хотели стать, когда были маленьким мальчиком? Морским капитаном? Цирковым акробатом? Продавцом духов? Вы должны, должны рассказать мне, а не то я стану строить собственные предположения. Я ведь поэт и живу среди людей, которые верят в фей и призраков. Мое воображение весьма богато.

Вы спрашивали, почему я не уехала с острова в какой-нибудь университет, и я должна признаться кое в чем. Я ужасно смущаюсь, учтите.

Позвольте мне сделать вдох.

Я никогда не покидала Скай. Ни разу за всю свою жизнь. Правда! Причина этому… я боюсь лодок. Плавать не умею, и мне страшно заходить в воду, чтобы хотя бы попробовать научиться. Я знаю, Вы сейчас, должно быть, от смеха упали со стула. Человек, который живет на острове, боится воды? Да, представьте себе. Даже вся притягательность учебы в университете не заставила меня взойти на судно. О, я пробовала, да-да. Я собиралась сдавать вступительные экзамены и даже упаковала вещи, чтобы ехать. Финли и я хотели поступать вместе. Но когда я приблизилась к парому… он показался таким ненадежным. У меня не укладывается в голове, что лодки могут удержаться на поверхности воды. Никакое количество виски не заманит меня на борт.

Ну вот! Теперь Вы заполучили два моих секрета. Вы знаете о моем смешном увлечении геологией и о моем еще более смешном страхе воды и лодок. Значит, Вы можете не бояться открыть мне Ваш секрет. Правда, Вы можете доверять мне, хотя бы по той причине, что мне некому будет разболтать Вашу тайну (если только овцам).

Элспет

P. S. Пожалуйста, перестаньте называть меня миссис Данн.

Глава вторая

Маргарет

Скоттиш-Бордерс

Вторник, 4 июня 1940 года

Дорогая мама!

Вот и отправлена очередная партия! Клянусь, в Эдинбурге, наверное, не осталось ни одного ребенка, мы всех переправили в сельскую местность, подальше от бомбежек. С тремя последними группами было легче, чем с остальными: они хотя бы могли самостоятельно вытирать себе носы.

Нужно расселить эту партию, а потом я обещала миссис Сандерлэнд навестить ее детвору в Пиблсе. Не было ли писем от Пола?

Люблю и целую,

Маргарет.

Эдинбург

8 июня 1940 года

Маргарет!

Не изматывай себя! Ты ведь только что вернулась из Абердиншира. Большинство девушек сидят себе на одном месте, скручивают бинты, строят боевые корабли, или чем там нынче занимаются молодые женщины. А ты почему-то мотаешься по всей Шотландии. И как тебе доверили всех этих бедных детей? Ты же даже с компасом не можешь отличить юг от севера и только недавно научилась сама вытирать себе нос!

Нет, дорогая, от Пола писем не было. Но не теряй веры. Если уж что и можно ожидать от этого парня, так это письма. А потом еще сотню.

Береги себя,

твоя мама.

Все еще Скоттиш-Бордерс

Среда, 12 июня 1940 года

Дорогая мама!

Если мой лучший друг может порхать по всей Европе с Королевскими ВВС, то почему я не могу метаться по Шотландии?

Но ты не получала от него вестей? Все твердят, что наших самолетов не было под Дюнкерком, но Пол сказал: «Я сразу вернусь» – и не прислал с тех пор ни одного письма. Куда еще его могли направить? Так что или у него закончились марки, или он не вернулся из Франции.

На самом деле я стараюсь не переживать. Малыши и без того очень огорчены, оставшись без матерей; не хочу расстраивать их еще больше.

Утром отправляюсь в Пиблс и оттуда поеду в Эдинбург. Жди меня с чаем и пирожными из пекарни Макки! А может, лучше мне не сходить с поезда и поехать прямо до самого Инвернесса…

Люблю и целую,

Маргарет.

Эдинбург

15 июня 1940 года

Маргарет!

Если бы я считала, что тебя можно заманить домой блюдом пирожных от Макки, я бы давно уже так и сделала, и никакие карточки на сахар мне не помешали бы!

От Пола по-прежнему ничего. Но в военное время на почту нельзя полагаться. Я не помню, чтобы раньше ты так беспокоилась о нем. Разве он всего лишь не друг по переписке?

Мама

Пиблс

Понедельник, 17 июня 1940 года

Мама!

Да, я все еще здесь, в Пиблсе. С поездами сплошная неразбериха, и от меня не отстает Энни Сандерлэнд, которая все просит спрятать ее в мой чемодан и отвезти таким манером обратно в Эдинбург. Когда я обещаю приклеить ее пятки к полу, она начинает умолять о еще хотя бы одной сказке. Ты знаешь ее, это та девчушка с большими карими глазами. Ну как тут устоишь? Конечно же, она скучает по своей мамочке, но семья, которая приютила здесь Энни и ее братьев, просто замечательная. Я привезу миссис Сандерлэнд хорошие известия.

Наверное, мне следует сказать тебе, что Пол, возможно, больше чем друг по переписке. По крайней мере, так ему кажется. Он воображает, будто влюблен в меня. Я думаю, что он с этой своей идеей просто смешон, и так ему и сказала. Мы всего лишь друзья. Лучшие друзья, точнее. Ты ведь помнишь, как мы с ним ходили гулять в поля или в горы и делили один бутерброд на двоих? Но любовь? Я не говорила тебе раньше, потому что была уверена, что ты только рассмеешься. Это и вправду нелепо, ты согласна?

Я буду дома завтра. Или днем позже в том случае, если придется идти пешком от самого Пиблса.

Люблю и целую,

Маргарет.

ПОЧТОВЫЕ ТЕЛЕГРАФЫ

18.06.40 ПЛИМУТ

МАРГАРЕТ ДАНН, ЭДИНБУРГ

МЭЙЗИ НЕ ВОЛНУЙСЯ Я В ПОРЯДКЕ=

КОРОТКИЙ ОТПУСК В ПЛИМУТЕ=

ДУМАЮ О ТЕБЕ=

ПОЛ+

Мама!

Он написал!

Я увидела телеграмму на столе и не смогла дождаться, когда ты придешь из церкви. Боялась, что пропущу поезд на юг. Я забрала все пирожные. Для него это будет такое лакомство. Надеюсь, ты не против.

Мы с чемоданом немедленно отправляемся на вокзал Уэверли. Сообщу тебе, когда доберусь до места.

Он написал.

Маргарет

Эдинбург

18 июня 1940 года

О моя Маргарет!

Я знаю, что никогда не смогу послать это письмо. Оно окажется в камине, как только я его закончу. Если бы ты знала, как больно мне было читать твою записку, оставленную на столе рядом с пустым блюдом из-под пирожных. Если бы ты знала, каково это – мчаться за человеком, чтобы побыть с ним хоть малую толику времени! Если бы ты знала, как планета прекращает свой бег, когда ты держишь его в своих объятиях, и как она снова начинает свое вращение, да такое стремительное, что ты падаешь на землю от головокружения. Если бы ты знала, что одно «здравствуй» больнее сотни «прощай». Если бы ты знала.

Но ты не знаешь. Я тебе никогда не рассказывала. У тебя от меня нет секретов, а я держала часть себя на замке. Всегда. И эта часть принялась скрестись в запертую дверь в тот самый день, когда началась новая, вторая для меня война. В тот день, когда ты умчалась на встречу со своим солдатом, эта часть стала выть, чтобы ее немедленно выпустили наружу.

Я должна была все рассказать тебе, должна была научить, как закалить свое сердце. Должна была открыть, что письма не всегда всего лишь письма. Слова могут оторваться от страницы и проникнуть в душу. Если бы ты только знала.

Мама

Глава третья

Элспет

Урбана, Иллинойс, США

21 сентября 1912 года

Дорогая Элспет!

Если не «миссис Данн», тогда как? Как Вас называют друзья? Элли? Элси? Меня здесь знают под именем Морт (не спрашивайте почему), а мама зовет Дэйви.

Итак, Вы никогда не покидали Скай. Честно говоря, не нахожу этот факт таким уж невероятным. Я хочу сказать, что есть немало людей, которые боятся воды, и те из них, кто живет так близко к морю, лучше других понимают его опасность. А Вы пробовали когда-нибудь перейти воду по мосту?

Так, значит, Вы действительно хотите узнать мою тайну? Родителям я не говорил о ней, и друзья животики надорвали бы, если б пронюхали. Слушайте же: если бы я мог стать тем, кем хочу, то стал бы танцовщиком. Артистом балета, как Нижинский. Я видел в Париже, как он танцует, и это было удивительно! Вообще-то, слово «удивительно» не передает и половины моих впечатлений. Я ходил на все представления, на которые смог купить билет, даже если мне доставалось место далеко от сцены. Кажется невероятным, чтобы человек мог прыгать и кружиться так, как это делал он. И при этом выглядеть так, будто ему было совсем не трудно! Я никогда не учился специально, но всегда неплохо танцевал. Может, я и есть следующий Нижинский?

Вот! Теперь Вы все знаете! В Ваших руках моя честь.

Кажется, я уже слышу смех от самой Шотландии…

Мне пора бежать – начинается новая война деревьев!

С наилучшими пожеланиями,

Дэвид.

Остров Скай

10 октября 1912 года

Дэйви, это же просто замечательно!

Этому миру нужно больше танцовщиков – и больше женщин-геологов!

Умоляю, расскажите, что такое «война деревьев»? Неужели Урбана и весь Иллинойс настолько бедны растительностью, что жители вынуждены воевать из-за каждого дерева? Вот на Скае лесов действительно мало, но все же нам не приходится браться за оружие. Если ситуация у Вас настолько плачевна, пожалуйста, дайте мне знать. Я пошлю Вам пару саженцев.

Говорят, что в здешних водах обитает эх-ушге, водяной конь, который утаскивает своих жертв на дно моря и разрывает их клыками на части, оставляя только печень, и она потом грозным напоминанием всплывает на поверхность. Я выросла на подобных историях. Стоит ли удивляться, что я отказываюсь приближаться к воде?

Ну а если серьезно, то у меня есть своя причина для страха. Море может быть жутким. Мой па – рыбак. Мой брат Аласдер тоже был рыбаком, но однажды он не вернулся домой. Обломки его лодки выбросило на берег. Так что да, я понимаю, чем может быть опасно море.

Если бы существовал мост, соединяющий Скай с материком, то тогда я, возможно, уехала бы отсюда. Но его нет, и пока к моим услугам только паром. Увы, я останусь узником острова.

Элспет

P. S. Как ни странно это звучит, друзья называют меня Элспет. Но Вы, не зная меня достаточно хорошо и потому не относясь еще к числу моих друзей, можете называть меня как пожелаете.

Урбана, Иллинойс, США

3 ноября 1912 года

Как пожелаю? Тогда пусть будет Сью!

«Война деревьев»? Это глупые забавы. Каждый класс сажает на территории кампуса дерево, а потом остальные классы пытаются его погубить. Мой класс уже потерял свое дерево. Мы посадили еще один саженец и питаем большие надежды относительно этого нового «выпускника» тринадцатого года. Теперь охраняем его по очереди, вооружившись яйцами и бумажными пакетами с водой. Дэнни Нортон подкармливает деревце каким-то чудодейственным, как он клянется, средством, но мне кажется, что это обычное пиво с капелькой лаврового масла, чтобы замаскировать запах. Должно быть, смесь и вправду не так дурна, поскольку деревце еще живо. А прошлой ночью мы вырвали с корнем саженец выпуска четырнадцатого года!

Несмотря на войны деревьев, мы тут не только развлекаемся и играем. Этот семестр оказался особенно трудным. Приятели говорят, что выпускной год легче предыдущих, но у меня огромная нагрузка из-за большого количества лекций. Я провожу в библиотеке столько времени, что подумываю о том, чтобы перенести туда подушку и зубную щетку. И это называется «легкий год»? И еще я с ужасом жду экзаменов.

Знаете, именно в такие моменты начинаешь сомневаться в будущем. Я все надеялся, что вот-вот появится правильный преподаватель, который разожжет во мне пламя, и я проникнусь страстью, разделяемой, кажется, всеми, кроме меня. И тогда осознаю без лишних вопросов, чему хочу посвятить всю свою жизнь. Но идет последний год учебы в колледже, а я так ничего и не понял.

Я всегда считал, что пойду в медицину, по стопам отца. Хотя точнее будет сказать, это он всегда так считал, а я просто не возражал, не имея собственных планов. Однако со временем я понял, что мне этого не хочется. При всей моей ненависти к колледжу, иногда я хочу остаться здесь и дальше. Тогда мне не придется выходить в «большой, дикий мир».

Ну вот, вывалил на Вас свои тревоги и сомнения. Скорее всего, они порождены нервозностью перед экзаменами в конце семестра, которые все ближе. Простите, что долго утомлял Вас столь мрачными размышлениями. Мне придется поскорее отослать письмо, пока я не передумал и не порвал его.

Усталый,

Дэвид.

Остров Скай

23 ноября 1912 года

Дэйви, только не бросайтесь вниз с башни библиотеки, пожалуйста!

Мы не всегда рождены делать то же, что другие. Например, мой брат Финли мог бы вырезать Мону Лизу на желуде, если бы захотел. У меня же в руках осталась бы жалкая щепка. Я никогда не стала бы Нижинским, как бы ни старалась. Те Ваши однокурсники со страстью и способностями к избранной области науки – да просто они были рождены для этого. Дэйви, нельзя заставлять себя стать таким же. Вы созданы для чего-то на этой земле, но, может, это не то, что думает Ваш отец. Он знает, как Вы несчастливы? С моей точки зрения, у Вас редкая способность спасать шотландскую отшельницу от помешательства на почве скуки во время бесконечной островной зимы. Овцы куда менее интересны, чем Вы.

А если серьезно, Дэйви, то у Вас есть страсть. Вас что-то ждет впереди. Не теряйте надежды, и Вы это найдете.

Элспет

Урбана, Иллинойс, США

11 декабря 1912 года

Сью!

Ваше письмо дало мне долгожданный повод оторваться от учебы. Оно даже утихомирило головную боль. Недавно я лежал в больнице и еще не совсем оправился.

Не уверен, что родители догадываются о моем отношении к колледжу. Когда я только начинал здесь учебу и упомянул, что мне бы хотелось изучать американскую литературу, отец ухмыльнулся и сказал: «Смешно». Это правда. Даже не оторвал головы от газеты. У него большие моржовые усы, и когда он смеется, то не издает ни звука. О том, что он смеется, можно догадаться только по тому, как подрагивают кончики его усов. Так он и сидел: фыркал, шевелил усами, говорил что-то вроде «обхохочешься» и «никаких перспектив для карьеры». «Но мне нравится литература», – возразил я. «Медицина. Вот что тебе нужно изучать. Потом ты еще спасибо мне скажешь. Ничто не приносит большего удовлетворения, чем эта профессия». Сью, я пытался объяснить ему уже тогда, честное слово, пытался. Но все закончилось ссорой. Мать заламывала руки и умоляла «хотя бы попробовать». Отец в конце концов отбросил газету и заявил, что он за чепуху платить не будет и если я собираюсь изучать нечто столь бесполезное, как литература, то уж не за его счет.

Теперь Вы понимаете, почему я не могу поговорить с родителями. Придется мне потерпеть. Окончить колледж, а потом – медицинскую школу. Когда у меня будет работа, я смогу сам принимать решения. Может быть.

Пора мне возвращаться к зубрежке. Мечтаю о каникулах, чтобы хорошо отдохнуть и восстановиться перед началом следующего семестра.

Чуть не плача,

Дэвид.

Остров Скай

5 января 1913 года

Дорогой Дэвид, с Новым годом!

У нас так холодно, что я едва могу отлепить себя от теплого местечка у огня. Когда же наконец закуталась и добрела до почты, там меня ждало Ваше письмо. Так что мое путешествие было не напрасным.

Как Вы отметили праздники? Мы здесь стараемся повеселиться. Я приготовила свой знаменитый рождественский пудинг и украсила премиленькую елку гирляндами из засушенных цветов. Еловый лапник разложен над камином и подвешен в дверных проемах. Я получила в подарок варежки, новый чайник и один из сборников Роберта Сервиса. Вы знакомы с его творчеством? Пишет волшебно. Если Вам понравились мои стишки, то можете обратить внимание и на этого автора.

А какие книги любите вы? Как и положено человеку, в жилах которого течет кровь в клетку, я обожаю В. С. Да что там, я не могла бы называться островитянкой, если бы не прочитала «Властителя островов». Его романы, на мой вкус, бывают порой слишком готическими, но в стихах он сумел поистине прекрасно изобразить Шотландию во всех ее переменчивых настроениях. А еще я по-прежнему испытываю теплую нежность к зачитанному до дыр экземпляру «Алисы в Стране чудес» – это была моя первая собственная книга. В детстве мы с братьями устраивали на гальке Бег по Кругу и кричали ветру самые сухие из известных нам фактов. И еще я чуть ли не со смущением признаюсь, что только что прочитала «Три недели», и мне весьма понравилось. Вы бы никогда не угадали во мне поклонницу Элинор Глин, так мне кажется.

Элспет

P. S. Мне жаль слышать, что Вы попали в больницу. Надеюсь, ничего серьезного. Такое впечатление, что Вас то и дело госпитализируют, и это вызывает беспокойство.

Урбана, Иллинойс, США

1 февраля 1913 года

Дорогая Сью!

Каникулы получились прекрасные! Я был в Чикаго у родителей. Из Терре-Хот приехала моя сестра Иви с мужем, и я впервые увидел свою маленькую племянницу Флоренс. Ей уже почти годик. Улыбается как солнышко и заразительно хихикает, когда дергает мои подтяжки. Я подарил Флоренс куклу в шелковом платье, но, очевидно, девочка еще слишком юна для такой игрушки, так как она только жевала руку куклы и смеялась надо мной. Скорее всего, я так и буду дарить ей кукол в шелковых платьях, даже когда она станет слишком взрослой для них, а она так и будет смеяться надо мной.

На Рождество мне подарили фотокамеру. Шлю Вам свою фотографическую карточку, чтобы Вы смогли посмотреть на своего скромного корреспондента. Но Вам придется поступить так же! Кроме того, спасибо моей матери, я получил столько носовых платков, сколько не потратить за всю жизнь, и еще последнее издание «Анатомии Грея» от отца, и комплект стереокартинок с видами Британских островов (по моему заказу – я хочу побольше узнать о крае, что Вы зовете своим домом). И наконец, сестра привезла мне одну из Ваших ранних книг, которую она каким-то чудом сумела разыскать. Перед тем как завернуть томик, Иви полистала его, и в результате у Вас появился еще один поклонник! Уже начался новый семестр, и потому я установил себе норму – одно стихотворение на ночь, а всю книгу припас на весну в качестве награды за промежуточные экзамены.

Какие книги мои любимые? Несомненно, для меня нет писателя лучше, чем Марк Твен, но выбрать одну из его книг? Не знаю, возможно ли такое. Конечно же, ничто не сравнится с «Приключениями Гекльберри Финна», но «Янки из Коннектикута» такой уморительный роман. Полагаю, я весьма далек от Вашего Льюиса Кэрролла, однако признаюсь, что перечитал «Зазеркалье» вдоль и поперек. Мне нравятся Джек Лондон, Уилки Коллинз и Г. Райдер Хаггард. Обожаю книги, полные загадок и приключений. Эдгар По – непревзойденный мастер щекотать нервы. Хороший вестерн я тоже люблю и, когда хочу отдохнуть от «литературы», читаю кого-нибудь вроде Зейна Грея. А кто такой В. С.? К сожалению, я не слышал о «Властителе островов».

Нет, я бы никогда не подумал, что Вы из тех девушек, которые читают Элинор Глин. С ее книгами я знаком только мельком, причем мельком в буквальном смысле слова, так как в нашем общежитии роман «Три недели» передавался из комнаты в комнату на очень короткий срок. Один предприимчивый студент даже

раздобыл ковер из искусственного тигрового меха, вероятно в надежде, что Элинор Глин согласится «согрешить» с ним на этом ковре. Но она так и не посетила наше общежитие, и я не слышал, чтобы предложение того юноши приняли какие-либо другие дамы.

Как я оказался в больнице? Хм. Ехал на корове верхом и свалился. Вообще-то, сама по себе езда на коровах не является рискованным видом спорта – я неоднократно катался на этих животных без каких-либо последствий. Но в тот раз мы хотели, чтобы корова поднялась по лестнице корпуса естествознания к офису президента университета. Ее наша идея не вдохновила. Могу только сказать, что никому не рекомендую такой способ передвижения.

И что означает Ваша фраза о том, что меня «то и дело госпитализируют»?

Мне пора снова приниматься за гранит науки. Непохоже, чтобы этот семестр был сколько-нибудь легче предыдущего, но зато конец уже близок!

Отдохнувший,

Дэвид.

Остров Скай

27 февраля 1913 года

Дорогой Дэвид!

Большое спасибо за Ваш портрет. Вы на нем такой серьезный! И гораздо моложе, чем я думала. В Ваших глазах я все же разглядела искорки, выдающие юношу, способного выкрасть дерево или проехаться верхом на корове. Как поживает деревце вашего класса?

От меня фотографии не ждите. Здесь нет ни одной фотокамеры, и я не думаю, что смогу объективно нарисовать себя. Буду подправлять и подтирать до тех пор, пока Вы не получите лицо принцессы Мод. Мы всегда хотим казаться

привлекательнее, чем есть на самом деле, Вы согласны? Другими словами, вот если бы Вы сами зарисовывали свой портрет вместо фотографирования, разве стали бы изображать себя в том ужасном пиджаке в клеточку?

Теперь, когда у меня есть Ваш портрет, я могу представить себе, как Вы и Ваши друзья передаете друг другу «Три недели». Вы ждете в нервном предвкушении своей очереди и, когда книга оказывается в Ваших нетерпеливых руках, мчитесь в комнату, забыв до утра о домашних заданиях. Вы приступаете к чтению, и Ваши щеки окрашиваются розовым цветом – Вы понимаете, насколько отличается Глин от Генри Джеймса.

Я никогда не читала Марка Твена, но согласна с тем, что По умеет пугать. Помню, как однажды ночью, еще девочкой, я при свете огарка, который стащила в церкви, читала в постели «Сердце-обличитель». За кражу я определенно понесла наказание, потому что, закончив книгу и задув огонек, я не смогла ни на миг сомкнуть глаз: из-под пола мне слышалось биение сердца. Когда рассвело, меня нашла махэр[2 - Махэр – мама (гэльское).] – я сидела в кровати, вцепившись в одеяло, в полной уверенности, что Бог карает меня за воровство алтарной свечи. И что же я сделала в следующее воскресенье, чтобы искупить свой грех? Стащила свечу из нашего буфета и оставила ее в церкви!

Мой дорогой мальчик, В. С. – это, конечно же, Вальтер Скотт. Не сомневаюсь, что в вашей огромной университетской библиотеке валяется пара-тройка его романов. В любом случае, коли Вы читали «Зазеркалье» больше чем один раз, мы с Вами прекрасно поладим. Обожаю Бармаглота.

В Вашем самом первом письме (да, я храню все Ваши письма!) Вы рассказывали о том, что лежали в больнице. Какой домашний скот Вы использовали не по назначению в тот раз? Вальсировали на лошади? Играли в футбол с бараном?

Элспет

Урбана, Иллинойс, США

21 марта 1913 года

Дорогая Сью!

Мне пришлось отложить учебники, чтобы немедленно ответить на Ваше письмо и защитить себя и свой бедный пиджак в клеточку. Очевидно, у вас на Скае совсем не разбираются в моде, так как и мой пиджак, и я сам являемся образцами стиля в кампусе! И на фотографии я обязан был выглядеть как можно серьезнее: ведь это мои первые усы. Любопытно даже стало: сколько мне лет, по-вашему?

Ну хорошо, раз Вы не хотите сесть перед зеркалом и нарисовать для меня автопортрет карандашом, пожалуйста, сядьте перед зеркалом и опишите себя словами. Посмотрите на свое отражение прямо сейчас и расскажите, что Вы там видите. И тогда я сам нарисую портрет.

Нет, никаких глупых шуток со скотиной за мной больше не числится, по крайней мере таких, которые закончились бы больницей. Тот прошлый визит к врачам был вызван попыткой взобраться на стену женского общежития и проникнуть в комнату Элис Макгинти. Я залез по водосточной трубе почти до верха, но потом руки соскользнули. В результате – сломанная нога и разбитое сердце, так как Элис мои старания и страдания не оценила. Я могу понять ее недовольство, ведь из-за происшествия ее чуть не исключили из общежития. И Вы знаете, что тогда раздосадовало меня больше всего? До того случая я не раз забирался по той водосточной трубе, иногда с банкой кузнечиков, привязанной к поясу, а одним незабываемым вечером – с мешком белок.

Наше дерево (мы окрестили его Поули) понемногу прибавляет в росте. Мы еще можем победить в этой битве!

Я был потрясен, узнав, что Вы никогда не читали Марка Твена. Что за образование вам дают в Шотландии? Это такое упущение, которое я должен немедленно исправить. Пожалуйста, примите от меня этот экземпляр «Гека Финна» в качестве запоздавшего рождественского подарка. И простите за его потрепанный вид. Я нашел книгу в комиссионном книжном магазине, и мне показалось, что ее в свое время очень любили, хоть она и очутилась в конце концов в канаве. Я бы не мог дать ей новый дом, так как у меня над столом на полке уже стоит этот роман, но знаю, что Вам могу доверить дальнейшую судьбу этого славного томика.

До следующего раза,

Дэвид.

Остров Скай

9 апреля 1913 года

Дорогой Дэвид!

Усы у Вас роскошные!

О, я совершенно не умею угадывать возраст. Думаю, с этими круглыми щеками (Дэйви, так и хочется ущипнуть их!) и с прядью волос, ниспадающей на лоб, Вам можно дать лет восемнадцать или около того. Леди не пристало раскрывать свой возраст, но я не намного Вас старше.

Слушаюсь, сэр, попытаюсь выполнить Ваше задание. И обещаю быть честной, описывая себя.

Что я вижу, глядя в зеркало? У меня худое лицо и немного заостренный подбородок. Маленький нос, узкие губы. Волосы каштановые и прямые как палки. Я собираю их в узел на затылке как можно туже, но они такие тонкие, что сразу выбиваются и падают на лицо. Глаза у меня янтарного цвета, такого же, как солодовое виски па. Хоть махэр и пытается следить за моим внешним видом, я предпочитаю носить старые свитеры братьев и юбки – слишком короткие, чтобы быть модными. Не говорите никому, но я даже ношу брюки – перешитые по фигуре, – когда ухожу на дальние прогулки.

Итак, что Вы думаете? Можете теперь представить меня? Если бы я рисовала для Вас автопортрет карандашом, то обязательно округлила бы грудь.

Мешок белок? Ого, да Вы разбойник! А те бедные женщины… Но зачем устраивать все эти штуки, если они заканчиваются очередным визитом в превосходные медицинские заведения Урбаны?

Я с огромным удовольствием принимаю в подарок «Гекльберри Финна». Большой библиотекой я не могу похвастаться, и поэтому любая книга в любом состоянии приветствуется. Тут, на острове, долгими зимними вечерами книги читаются и перечитываются.

Элспет

Глава четвертая

Маргарет

Плимут

Среда, 19 июня 1940 года

Дорогая мама!

Можешь отчитать меня. Я умчалась, даже не попрощавшись. И за кем? За парнем, который до недавнего времени был всего лишь другом по переписке. Притом не лучшим другом, так как я неделями не получала от него писем. Но если бы ты видела его, когда он ждал меня на вокзале, такой милый и жалостный, ты бы тоже его простила!

Пол в порядке, но что-то с ним все-таки произошло. Обошлось несколькими царапинами и поврежденным запястьем. Он не говорит, что случилось, только повторяет, как рад видеть меня и что ему уже гораздо лучше.

Мне пока не назначили новую группу эвакуированных, и, если ты не против, я побуду тут еще. Пол не знает, когда ему опять дадут отпуск. Мама, я нужна ему.

Люблю и целую,

Маргарет.

Эдинбург

22 июня 1940 года

Моя Маргарет!

Ты не представляешь, как я волновалась. Ты ведь ехала одна до самого Плимута. Никогда ты не была так далеко от дома. Может, тебе не следует оставаться там дольше? Ты приехала, подбодрила своего друга и успокоилась сама, увидев, что он здоров. Даже привезла ему все, до последней крошки, бесценные пирожные, которые я купила на свои продуктовые талоны. Теперь пора бы домой. Возвращайся, прежде чем все станет слишком серьезно. Пожалуйста.

С любовью,

мама.

Плимут

Четверг, 27 июня 1940 года

Мама!

Я знаю, ты меня любишь, но я достаточно взрослая, чтобы самой принимать решения. Кроме того, все уже весьма серьезно. Пол попросил меня выйти за него замуж.

Маргарет

Эдинбург

1 июля 1940 года

Маргарет!

Не принимай скоропалительных решений. Не ради меня – ради себя. Прошло полгода с тех пор, как Пол уехал из города. До того вы все дни напролет только и делали, что препирались. И вдруг вся эта любовь, а теперь откуда ни возьмись – женитьба?

Это все война. Я знаю, я видела это. Они уходят, неуязвимые, непобедимые, и думают, что будущее лежит перед ними как серебристое озеро, и они готовы в него нырнуть. Потом что-то случается – бомба, растянутое запястье, пуля, которая просвистела слишком близко, – и вот они уже хватаются за все, что окажется под рукой. То серебристое озеро помрачнело, оно захлестывает их волнами, и они боятся, что утонут в нем, если не будут осторожны. Они цепляются изо всех сил и обещают все, что приходит в голову. Нельзя верить словам, сказанным в военное время. Эмоции так же мимолетны, как спокойная ночь.

Пожалуйста, береги себя. На прошлой неделе над нами пролетали самолеты. Один сбросил пять бомб и более сотни зажигательных снарядов в районе замка Крейгмиллар. На город ничего, слава богу, но бомбардировщики были прямо у нас над головой. Две ночи я провела в убежище в одной ночной сорочке, скорчившись, слушая вой сирен, рев моторов и выстрелы противовоздушных орудий. При этом понятия не имела, что происходит на самом деле. Это выматывает. Все, что я хочу, – это мою Маргарет рядом со мной.

Прошу тебя, не принимай решений, о которых позднее будешь сожалеть. Пожалуйста, не отдавай свое сердце бездумно, потому что, моя славная девочка, обратно ты его можешь не получить.

С любовью,

мама.

Плимут

Пятница, 5 июля 1940 года

Мама!

Ты всегда говорила, что нужно искать свое счастье и хватать его обеими руками. Другие матери подталкивали дочерей к поступлению в университет, или к работе на фабрике, или к разливанию чая в солдатских столовых. Ты – нет. Ты знала, что там я буду несчастна. Вместо этого ты нашла для меня работу с эвакуированными детьми, которых нужно сопровождать к местам нового проживания. Я смогла сбежать из города, когда там стало тесно от огневых точек, бомбоубежищ и занятий отрядов местной обороны в парках. Мои вылазки в Скоттиш-Бордерс и в Шотландское нагорье – истинное наслаждение.

Я же не написала, что приняла предложение Пола. Я сказала ему, что мне нужно подумать. Видишь? Вовсе не такая уж я опрометчивая. Но я счастлива. Чего ты всегда и желала мне. Скоро я буду дома.

Люблю и целую,

Маргарет.

Эдинбург

9 июля 1940 года

Думать – это хорошо. Способность думать отличает человека от таракана.

Мама

Плимут

Суббота, 13 июля 1940 года

Дорогая мама!

Ты будешь рада узнать, что Пола подлатали, он хорошо отдохнул и завтра возвращается на службу славной Британии. Я же двинусь на север, но когда приеду – не скажу, так как не могу поручиться за надежность железнодорожного сообщения.

Люблю и целую,

Маргарет.

Эдинбург

Четверг, 18 июля 1940 года

Пол!

Мама злится на нас. То есть по большей части на меня. Уму непостижимо! Ведь мы не совершили ничего плохого. В конце концов, это всего лишь кольцо. Кольцо и обещание.

Но из-за этого у нас с ней была ужасная ссора, и поэтому я здесь, на крыше, пишу тебе письмо и не знаю, как попросить у мамы прощения. По ее мнению, с моей стороны было глупо ответить «да» первому же парню, который сделал предложение. Но потом она сказала, что на войне счастье трудно отыскать. Я заметила ей, что она говорит глупости и пусть сначала сама со всем

определиться. Что, если первый парень, сделавший мне предложение, и есть тот, кто даст мне счастье? Тогда она бросила в меня ложку и фыркнула, что у нее нет ответов на все мои вопросы.

Мне оставалось только вылезти на крышу и дуться тут в одиночестве. Наконец мама высунулась в окно и призналась, что это война расстроила ее. Она уже пережила одну войну, но эта – совсем другая, с постоянным присутствием страха, с ночами, когда объявляют воздушную тревогу, и с такими, что проходят без сирен. «Война импульсивна, – сказала мама. – Не потрать остаток жизни на поиски призраков». Я спросила, о чем она вообще говорит, но мама молча отвернулась.

– Это ты о моем па?

– Я уже объясняла, что тебе не нужно ничего о нем знать.

– Почему же? Он ведь мой па.

Тебе все это известно, Пол. Ты уже наслушался моих бесконечных жалоб на то, что мать ни слова не рассказывает об отце, на то, что она уклоняется от расспросов и говорит только, что прошлое в прошлом. И я понимаю, что она имеет в виду. Да, понимаю. Она сама вырастила меня и хочет, чтобы я была этим удовлетворена. Чтобы я дорожила временем, которое мы прожили вдвоем. Но не знать своих корней, не знать, как я появилась на этом свете… ну, ты в курсе моих вопросов.

Я высказала ей все это, пока она выглядывала из окна спальни. Но мама постаралась отделаться шуткой. «Первый том моей жизни распродан и больше не переиздавался», – любит она повторять.

Но в этот раз я не сдалась и продолжала давить. Сожаления? Призраки? Раньше я от нее ничего подобного не слышала.

– Почему ты не желаешь говорить о нем? – спросила я. – Что в нем такого отвратительного, что ты хочешь стереть его из своей памяти?

Я думала, что мама начнет метаться и заламывать руки, но она, наоборот, замерла.

– Я никогда не прощу его, – наконец произнесла она. – Но буду помнить ради нас обеих. – Ее глаза горели, когда она ушла.

Мне слышно, как мама гремит на кухне посудой. Попытка приготовить что-нибудь – это (к сожалению) ее способ извиняться. Уж не знаю, что она затеяла, но пахнет ужасно. Даже не хочу гадать, какие овощи она сейчас портит.

Пожалуй, пора спуститься и попросить прощения за то, что назвала ее глупой. За то, что начала эту ссору. За то, что вообще заставляю ее рассказать об отце, о сожалениях, о призраках. Я знаю, мама желает мне добра, устала и элементарно скучает без меня. Она старается. Я действительно дорожу временем, которое мы прожили вместе.

Может, уговорю ее выйти прогуляться. До заката еще пара часов. Мы можем дойти до Холируд-парка, побродить среди зарослей утесника. Поболтать ни о чем конкретном. А может, сейчас она как раз захочет говорить. Не знаю…

О боже мой, Пол, я уже и не помню, о чем хотела тебе написать. Сейчас случилось нечто невероятное. Я услышала гул самолетов и только успела спрятать под блузку блокнот, как рядом взорвалась бомба. Мама писала о воздушных налетах и бомбардировщиках, но я и вообразить не могла, что это такое на самом деле. Знаю, для тебя все иначе: ты провел уже немало ночей, разорванных самолетами и сиренами. Но для меня… Бомба? На улице, где я девочкой прыгала со скакалкой?

Я видела, как она падает… Она врезалась прямо в тротуар. Я нырнула за мансарду как раз вовремя. Все засыпало камнями и пылью. Только что на улице была мостовая, и вот уже там дымящаяся яма. Не знаю, как я удержала равновесие и не свалилась с крыши от ударной волны. Все случилось очень быстро, даже сирены не было.

Первая мысль о маме. Окно спальни разбилось, оттуда не доносилось ни звука. Я позвала ее. Мне было не пролезть в комнату, так как в раме торчали осколки стекла. Внутри все было вверх дном. Кровать отбросило к дальней стене, ночной

столик опрокинулся. Булыжник с мостовой, залетевший в окно по идеальной траектории, пробил стенную панель. Из дыры в стене высыпались какие-то бумажные листки.

Я опять окликнула маму и потом увидела ее в тени у двери. Она медленно шагнула внутрь, отодвинув синим атласным шлепанцем бумаги. Но к окну не пошла, а осталась стоять там и смотреть на проломленную стену и бумажный снегопад.

Дотянувшись рукой до шторы затемнения, я сорвала ее, обмотала тканью ладонь и очистила подоконник от стекла, чтобы пробраться внутрь.

Мама по-прежнему молчала. Она упала на колени и подхватила охапку листков. Я наклонилась и подобрала одну страницу. Это было письмо, пожелтевшее и смятое, адресованное кому-то по имени Сью. И ты знаешь, Пол, оно как будто написано тобой, и поэтому я цитирую его здесь.

Чикаго, Иллинойс, США

31 октября 1915 года

Дорогая Сью!

Знаю, ты сердишься. Пожалуйста, не надо. Даже если оставить разговоры о «долге» и «патриотизме» в стороне, неужели ты правда думаешь, что я смог бы отказаться от такого захватывающего приключения?

Моя мать бродит по дому с красными глазами и всхлипывает. Отец по-прежнему не разговаривает со мной. И тем не менее я чувствую, что поступаю правильно. У меня ничего не вышло в колледже, ничего не вышло с работой. Черт, даже с Ларой не получилось. Я уже начал думать, что в мире нет места человеку, чье наивысшее достижение сводится к мешку с белками. До сих пор никому не потребовались моя удаль и импульсивность. Сью, ты же понимаешь, это дело мне подходит. Ты всегда знала, что хорошо для меня, еще до того, как я это сам осознавал. И сейчас ты знаешь: это хорошо.

Я выезжаю в Нью-Йорк уже завтра, поэтому пришлось попросить маму отослать это письмо. Когда ты станешь читать его, я буду на корабле где-то посреди Атлантики. Плыть на судне «Французской линии» было бы дешевле, но мы с Харри направляемся в Англию. Его там ждет Минна. А я… У меня есть ты. Словно рыцари прошлого, мы не можем пойти в бой, не получив от наших прекрасных дам символ их любви.

Мы высадимся в Саутгемптоне где-то в середине ноября и оттуда двинемся к Лондону. Сью, скажи, что на этот раз ты встретишь меня. Конечно, мне легко просить, гораздо легче, чем тебе покинуть свое убежище на Скае. Не дай мне уйти на фронт, не прикоснувшись к тебе в первый раз, не услышав, как твой голос произносит мое имя. Не дай мне уйти на фронт без твоего образа в моем сердце.

Твой… всегда и навечно,

Дэйви.

– Это мои письма. – Мама собирала другие листки, разбросанные вокруг. – Ты не имеешь права читать их.

Я спросила, что это за письма, кто такая Сью, но она не ответила. Она сидела там с мокрыми глазами и неловкими руками складывала в стопку пожелтевшие странички. За окном наконец-то взвыла сирена.

– Уйди, – простонала мама, прижимая к себе конверты. – Сейчас просто уйди.

Под звуки сирен и зенитных орудий я вышла из дома и, спотыкаясь, пошла в укрытие. Я знала, что мне нужно закончить это письмо тебе, потому что у меня больше нет никого, кому я могла бы рассказать о сегодняшнем вечере. О том, как все, что случилось, кажется теперь абсолютно нереальным.

У меня никогда не было секретов от матери. Ты это знаешь. Но когда я пристроилась в убежище и достала из-под блузки блокнот и вложенное в него письмо Сью, меня мучил один вопрос: что мама от меня скрывает?

Маргарет

Глава пятая

Элспет

Чикаго, Иллинойс, США

17 июня 1913 года

Дорогая Сью, я закончил!

Простите, что так долго не отвечал, но я откладывал до того момента, когда смогу сообщить, что я совершенно и полностью свободен. Ах, какое наслаждение – приняться за письмо без гложущей мысли о недочитанных учебниках! Сейчас сижу в доме родителей, окно распахнуто, летний ветерок раздувает кружевные занавески, и меня не ждет ничего более зловещего, чем недочитанная газета. Можно откинуться на спинку стула, глотнуть прохладного лимонада и писать Вам – непередаваемая роскошь!

Мне кажется, Вы будете горды мной. Я открылся отцу. Наверное, Вы удивляетесь, как я набрался смелости, чтобы сказать ему такое. Помогла моя плохая успеваемость! Он глянул на мои оценки и фыркнул. «Как ты собираешься поступать в медицинскую школу с такими результатами?» – спросил он. «Я не собираюсь, – ответил я. – Не собираюсь и не хочу туда поступать». Он чуть не подавился своим утренним кофе. «Что значит не хочешь?» – «Именно это и значит, отец. Я никогда не хотел учиться в медицинской школе. И теперь слишком поздно переубеждать меня». Он встал из-за стола, с грохотом отодвинув стул, и с тех пор отказывается говорить со мной. Думаю, только благодаря стараниям мамы он не вышвырнул меня из дома.

Моя сестра тоже здесь, проводит у родителей часть лета, и потому мне проще переносить недовольство отца. К тому же у меня появилась возможность получше узнать свою племянницу Флоренс. В одной из комнат в задней части

дома есть такое место, куда солнечный свет падает особенным образом. Мы с Флоренс садимся в этот круг света и смотрим друг на друга. Когда ей надоедает смотреть на меня, она забирается ко мне на колени, хватается за подтяжки и просит: «Дя Дэй! Сказку!» Ну как я могу отказать в такой просьбе? Я рассказываю ей сказку и наблюдаю за тем, как в страшных местах ее и без того огромные голубые глаза становятся еще больше и как они искрятся, когда Флоренс смеется. Восхитительно наблюдать за безыскусной игрой чистых эмоций на лице ребенка. Дети не пытаются спрятать чувства или выдать одну эмоцию за другую. Мы с племянницей будем хорошими друзьями, я уже сейчас вижу это.

Еще новость: у меня появилась девушка, Лара. Она очень милая, изучает в колледже немецкую литературу. Познакомились мы на вечеринке – на одном из тех утомительных светских мероприятий, от которых иногда никак не отвертеться. Я пошел, чтобы не огорчать маму. Мы с Ларой познакомились и, поговорив, поняли, что она «знает» моих родителей. Это один из тех запутанных случаев, когда ее мама играет в бридж с тетей лучшей подруги моей матери или что-то вроде этого. Какова бы ни была степень знакомства, оно означает, что мои родители одобряют девушку.

Итак, видите, удача наконец-то улыбнулась мне. В моей жизни теперь целых две девушки, а еще комната в полном распоряжении и БОЛЬШЕ НИКАКИХ ЭКЗАМЕНОВ!

О, та ночь, когда я подбросил в женское общежитие белок, была классикой! Можете ли Вы придумать лучшую комбинацию, чем опасный подъем по стене, стая разъяренных белок и вопящие женщины в полураздетом виде? Должен сказать, что подобные эскапады не так уж часто заканчиваются больничной койкой. Но именно вероятность того, что они могут к этому привести, делает такие выходки столь привлекательными. Вот откуда у меня это прозвище. Парни называют меня Мортом, намекая на латинское «mors», потому что убеждены, что эти мои затеи однажды доведут меня до смерти. Чудные друзья, Вы не находите?

А как идут Ваши дела на Скае? Должно быть, Вы повеселели, когда сошел снег. Я представляю, как Вы радостно топаете по холмам в брюках и шляпе, под мышкой зажат блокнот, за ухо заткнут карандаш. Ах, лето!

Кстати, Вы не угадали мой возраст. Мне уже двадцать один! Теперь Вы понимаете, почему я так стремился отрастить усы…

Расслабленный и спокойный,

Дэвид.

P. S. На этой фотографии я в полном облачении – в академической робе и квадратной шляпе. Гордое деревце рядом со мной – это Поули. Мы оба – и дерево, и я (как ни удивительно!) – пережили этот учебный год!

Остров Скай

7 июля 1913 года

Дорогой Дэвид!

У Вас такой ликующий вид! Не могу сказать, кто выглядит более гордым и прямым – Вы или Поули. Я рада, что у Вас все так удачно сложилось.

По Вашим описаниям я влюбилась в Вашу племянницу. Вам повезло, что Вы можете проводить с ней столько времени, сколько хотите. Когда несколько лет назад погиб мой брат Аласдер, его вдова переехала в Эдинбург вместе с детьми. И с тех пор я не видела ни Крисси, ни племянницу, ни племянников.

Два других моих брата, Финли и Уилли, еще живут дома, поэтому с их стороны детей ждать пока не приходится (по крайней мере, на это надеется махэр!), хотя у Финли есть девушка, к которой он весьма серьезно относится. Может быть, и не придется ждать слишком долго. Кейт славная, и мы все скрестили за них пальцы.

Раз Вы не будете учиться в медицинской школе, то чем собираетесь заполнить время? Вы уже поступили в труппу русского балета? Научились играть на

корнете? Начали писать Великий американский роман?

Я уверена, что теперь, когда Ваши вечера не отдаются целиком учебе, Вам гораздо легче ухаживать за Вашей девушкой. Вы написали, что Лара учится в университете. Это обычное дело для американских женщин? Все девочки, с которыми я ходила в школу, мечтали только о замужестве, выборе занавесок и особенно о том, чтобы как можно скорее освободить свои головы от знаний, что в них вкладывали десять-двенадцать лет. Они считали меня сумасшедшей только за то, что я хотела прочитать книгу, не включенную в школьную программу, что уж говорить о реакции на мое желание поступить в университет.

Элспет

Чикаго, Иллинойс, США

27 июля 1913 года

Дорогая Сью!

Нет, я не вступил в труппу русского балета. Сказать по правде, я понятия не имею, что делать дальше. Пожалуй, я чувствовал себя более уверенно, когда мое будущее было распланировано отцом. Сейчас просматриваю объявления в газетах, прикидывая, чем можно было бы заняться. Пока даже не знаю, в каком направлении искать. Моя мать находит крайне неприличным тот факт, что я устраиваю свою карьеру с помощью газет, и осторожно наводит справки среди своих партнеров по бриджу на предмет более «респектабельных» вариантов.

Не думаю, что учеба женщин в колледже такое уж обычное явление в Америке. В Университете Иллинойса учились девушки, но немного, а на факультете естествознания их почти вовсе не было. Поступая в колледж, они обычно ограничиваются более «женскими» сферами науки, такими как современные языки, литература, домашняя экономика.

Боюсь, ни одного геолога среди них мне не встречалось!

Дэвид

Остров Скай

14 августа 1913 года

Дорогой мальчик!

И почему это такие предметы, как языки и литература, считаются «женскими»? Дэвид, говорю это не в укор Вам. Знаю, Вы повторяете общепринятое мнение – спорное, на мой взгляд.

Мы живем в эпоху, когда женщинам открылись профессии, ранее недоступные. Хотя примеры пока немногочисленны, но дамы уже показали себя компетентными врачами, учеными, предпринимателями. Теперь, когда двери распахнулись, почему туда не рванулось больше женщин? Вместо этого они говорят себе: «Кому интересно получать Нобелевскую премию, как Мария Кюри? Куда важнее научиться правильно варить курицу». Да, каждый должен заниматься тем, что ему интересно, и я допускаю, что есть особы, которые искренне не желают изучать ничего, кроме варки кур или домашней экономики. И почему леди, которая занимается химией или геологией, менее подходит на роль спутника жизни, чем та, которая выбрала литературу? Я не суфражистка, однако, когда речь заходит о женщинах и образовании, неизменно горячусь.

Элспет

Чикаго, Иллинойс, США

4 сентября 1913 года

Дорогая Сью!

Наконец-то, наконец-то я получил оплачиваемую работу! Меня приняли учителем биологии и химии в частную школу прямо здесь, в Чикаго. Лара говорит, что к концу семестра все девочки влюбятся в меня, а все мальчики будут стремиться подружиться со мной.

У меня нет четкого ответа на вопрос, почему некоторые предметы считаются в большей степени подходящими для женщин. Вы правы, мы движемся к более просвещенному обществу, но пока еще далеки от него. Появляется много университетов совместного обучения, и женщина может поступить в любой колледж и изучать все, что захочет. Она даже может пойти дальше и найти себе «радикальную» работу, став, например, ученым или преподавателем. Но до сих пор предполагается – даже ожидается, – что она откажется от всего этого, как только станет матерью. Педагогика и Равенство всегда уступают Материнству.

Должен заметить, что женщины в целом гораздо лучше воспитывают детей, чем мужчины. Взять, к примеру, моего отца: вот бы наломал он дров, если бы занялся этим. Но дети вырастают, покидают дом. Почему бы женщине не заняться карьерой на этом этапе жизни?

Но Вы указали на очень важный момент. Лично я надеюсь найти такую жену, которая сможет говорить о чем-то более интересном, чем варка кур. Такую, которая читает то же, что и я, задается теми же, что и я, вопросами. Или даже такую, у которой обо всем абсолютно противоположное моему мнение, но при этом она не боится жарких споров и любит меня, несмотря ни на что.

Дэвид

Остров Скай

30 сентября 1913 года

Дэвид!

Что, мой дорогой мальчик, заставляет Вас думать, будто женщины превосходят мужчин в воспитании детей? Насколько я понимаю, Ваша племянница обожает

Вас, и значит, Вы правильно ведете себя с малышкой. Или Вы сомневаетесь в своей способности заниматься ребенком дольше пяти минут, которые требуются, чтобы рассказать одну сказку?

Элспет

Чикаго, Иллинойс, США

17 октября 1913 года

Дорогая Сью!

А разве Вы не согласны с тем, что женщины от природы одарены чем-то таким, что делает из них матерей? Я не совсем уверен, правда, что это такое. Женщины куда более самоотверженны, чем мужчины. Они обладают терпением и щедрой душой. Женщина может получить все возможные степени в науке домашней экономики, но и без этого, даже не проведя в колледже и дня, она все равно способна прекрасно вести хозяйство и быть матерью.

Дэвид

Остров Скай

31 октября 1913 года

Дэвид!

Сначала Ваши письма просто вызывали раздражение, а теперь приводят меня в негодование. Никакие природные качества не делают нас женами, матерями или хозяйками. Или мы рождены с особенными свойствами, которые помогают нам готовить или штопать носки? Вы думаете, что Господь всемогущий предвидел, что потребуется от хозяйки двадцатого века, и зарезервировал часть женского

мозга для выпечки пирогов? В качестве доказательства своей правоты привожу в пример саму себя: ничего этого я не умею. Ни готовить, ни печь пироги, и уж точно меня не заставишь заштопать хотя бы один носок. Может, я родилась только с половиной мозга и во мне не хватает чего-то существенного? Вы это предполагаете?

Вы говорите, что женщины, особенно матери, должны быть самоотверженны. Но они не рождены такими, этого от них ожидают. Никто не укорит мужчину за то, что он выпьет пинту после рабочего дня, или за то, что он вытянет ноги перед огнем, или за то, что по утрам он сидит и читает газету. Но если мать захочет погулять полчасика, выпить чашку чая в спокойной обстановке или (не дай бог!) сходить к подруге, все сразу возмутятся. Это недопустимо, чтобы матери хотели делать что-то, не имеющее отношение к детям. Считается, что они должны быть всегда и во всем самоотверженны. Хорошая мать никогда не съест последний кусок пирога.

Не уверена, хочу ли я заводить детей. Такая самоотверженность выше моих сил. Если за мою юбку будет цепляться ребенок, я не смогу отправиться на одну из своих прогулок по горам. Не смогу часами смотреть на волны, сочиняя стихи. Не смогу готовить только сосиски и рождественский пудинг, не смогу до самого утра наблюдать за движением звезд по небу, не смогу вставать до рассвета, чтобы взобраться на холм и поймать момент, когда над горизонтом взорвется солнце. Вы же не станете убеждать меня, будто возможно заниматься всем этим и одновременно растить детей. И я никогда и ни за что не откажусь от последнего куска пирога. Независимость делает женщин эгоистками.

Элспет

Глава шестая

Маргарет

Эдинбург

Пятница, 19 июля 1940 года

Милый Пол!

Она уехала.

Наутро после бомбежки я вернулась в дом, желая помириться. Всю ночь не сомкнула глаз, думая о нашей ссоре и о том, как она оттолкнула меня, лишь я притронулась к тем рассыпавшимся письмам. У меня кошки скребли на душе.

Когда я пришла в квартиру, там было пусто. Панель в стене по-прежнему разворочена, но все листки, спрятанные за ней, исчезли, как и два моих чемодана.

Мама, которая никогда не покидала дом дольше чем на несколько часов, собрала вещи и ушла. И я не представляю куда.

Я сходила к соседям. Проверила в библиотеке. Трижды обошла Холируд-парк. Даже заглянула в собор Святой Марии, подумав, что могу найти маму с чемоданом писем на ее обычном месте. Никто ее не видел. Я поехала на вокзал Уэверли, уверенная, что на поезд она не сядет. Наверняка просто пристроилась на скамейке и набирается храбрости, чтобы подойти к вагону. Нет. Там ее не было.

И вот я сижу в пустом доме и не знаю, волноваться мне или нет. Если она решила устроить небольшой отпуск – это ее полное право. Она в состоянии о себе позаботиться. Однако, Пол, вчера мама вела себя так странно. Ее глаза… они были как мертвые. Она опустилась на пол словно обреченная. Пусть я не знаю, где она, но могу сказать точно: мама не уехала развлекаться на побережье. Она что-то ищет или догоняет. Воспоминания, сожаления, свое прошлое… Я не уверена.

Но зато я точно знаю, что ее исчезновение связано с письмом от американца какой-то женщине по имени Сью. Мне всегда нравилось разгадывать загадки. Может, стоит попробовать и сейчас?

С нежностью,

Маргарет.

21 июля 1940 года

Милая Мэйзи!

Надеюсь, ты получишь это письмо до того, как отправишься на поиски приключений. Да, ты всегда хотела быть сыщиком. Помнишь тот раз, как мы в сумерках облазили весь парк Мидоуз, надеясь отыскать собаку Баскервилей? Какими же мы были тогда детьми.

Я и сам соскучился по приключениям. Меня все еще держат на земле, так как запястье пока не зажило. И поэтому, вместо того чтобы летать, я болтаюсь по аэродрому. Возьмешь меня своим Ватсоном?

Надеюсь, однако, что твоя детективная деятельность уведет тебя подальше от Эдинбурга. Бабуля мне ни слова не писала о воздушных налетах на город. Хотя знаю я ее. Наверняка она стояла на крыльце и грозила фрицам кулаком. Теперь же, когда мне стало известно о том, что там, где мы с тобой играли в мяч, падают бомбы, я хочу быть уверенным, что ты в безопасном месте.

Возможно, твоя мать подумала так же. Не беспокойся за нее. Она как моя бабуля: не даст себя в обиду. С ней все будет хорошо.

Береги себя, моя милая девочка.

Твой Пол

Эдинбург

Среда, 24 июля 1940 года

Милый Пол!

Я подумала, что если кто и может пролить свет на «первый том» маминой жизни, то это моя кузина Эмили. Она знакома с мамой дольше, чем я. Поэтому я пришла к ней с тем единственным пожелтевшим письмом, и в прачечной, посреди тазов с бельем, она поведала мне то, что знала. Увы, совсем немногое.

Она помнит, как во время прошлой войны они жили в коттедже у моей мамы. После атаки цеппелинов тетя Крисси отправила детей из города. Как видишь, эвакуация существовала уже тогда. В нашем случае дети уехали аж на остров Скай.

У меня до сих пор не укладывается в голове, что моя мать, которая никогда не выходила за пределы Эдинбурга, когда-то жила на Гебридах! Это не секрет, она сама рассказывала мне о том, как она росла там, бегая по холмам в поисках волшебных человечков, и тем не менее я всегда воспринимала маму как горожанку до мозга костей. Но детство и юность она провела на острове. Так что вовсе не странно, что у нее оказалось письмо со Ская.

Там случилось что-то неприятное, связанное с девушкой и двумя нашими дядями. Возможно, Сью и есть та самая девушка? Эмили не сумела припомнить. Я не могу спросить бабушку, так как она читает и пишет только на гэльском языке. Эмили предложила, чтобы я написала дяде Финли, который сейчас в Глазго.

Я знала, что у мамы было три брата (осталось два после смерти отца Эмили), но она о них мало говорила. Только то, что Аласдер был самым умным, Уилли – самым шустрым, а Финли – тем, кто что-то потерял, уехал и никогда не вернулся. Что он потерял и откуда не вернулся, она не объясняла, если не считать одной фразы про гнев Финли, послуживший причиной его ухода из дома.

Эмили никогда бы не обнаружила, что дядя Финли живет в Глазго, ведь после того, как он покинул Скай, от него не было вестей. Однако много лет назад она ездила в Глазго за покупками и увидела там человека, как две капли воды похожего на ее отца, Аласдера. Когда он погиб, она была маленькой девочкой, но тетя Крисси всегда держала рядом с кроватью свадебную фотографию.

Эмили догнала этого человека и, не зная, что сказать, упомянула имя своего папы. И была потрясена, когда выяснилось, что это младший брат Аласдера. Но неожиданную встречу нельзя было назвать теплой. Дядя Финли твердо пожал Эмили руку, передал родне наилучшие пожелания и произнес все остальные положенные банальности, а потом пошел своей дорогой. Если бы Эмили не поспешила найти телефонный справочник и не узнала из него адрес дяди, то семья снова потеряла бы всякую связь с Финли.

Хорошо, что я ужасно любопытна, а то ни за что не набралась бы смелости, чтобы написать дяде, которого никогда не видела. И который весьма нелюбезен, если верить слухам. Пожелай мне удачи.

С нежностью,

Маргарет.

Глава седьмая

Элспет

Остров Скай

5 ноября 1913 года

Дэйви!

Я думала о письме, которое послала Вам на прошлой неделе, и захотела написать еще одно поскорее, пока Вы не успели ответить. Я готова повторить все, что было сказано в том письме, но жалею, что не выразила свои соображения в более мягкой форме. Мне кажется, Вы ошибаетесь, когда говорите о том, что у женщин есть эта мифическая врожденная «материнскость». Но Вы же еще так юны. Я все время забываю об этом. Вы не

были женаты, у Вас нет детей. Возможно, Вы сохраните свои взгляды на всю оставшуюся жизнь, но сейчас я не могу винить Вас за Ваши убеждения. Простите, что ожидала от Вас слишком многого.

Ну вот! Сделано. Учтите, я не часто прошу прощения или отрекаюсь от слов, сказанных в гневе. И говоря «не часто», я имею в виду «никогда». Надеюсь, Вы не очень сердитесь на меня.

Элспет

Чикаго, Иллинойс, США

22 ноября 1913 года

Дорогая Сью!

Я не знал, как ответить на то Ваше письмо, и потому очень обрадовался, когда Вы написали снова. Я вовсе не хотел обидеть Вас. В моей жизни не так уж много женщин. У меня есть мать и сестра, Иви, и это две самые достойные дамы из всех, кого я знаю. Иви с нетерпением ждала, когда же появится ее первое дитя, и с самого начала она откуда-то знала, как держать и как кормить Флоренс. Что касается еще одной женщины моей жизни, Лары, то она считает дни до того момента, когда сможет заняться ведением собственного дома. Клянусь, эта девушка мечтала о приданом и обеденных меню с тех пор, как покинула детскую комнату.

Вам будет интересно узнать, что теперь я официально помолвлен! То есть настолько официально, насколько это возможно. У меня были романтические представления о том, что следует упасть на колено и протянуть избраннице жемчужину, оправленную в золото, но Лара только взглянула на перстень в моей руке и вежливо попросила обручальное кольцо с бриллиантами. Она обожает демонстрировать его, словно говоря: «Он не доктор, но мы справимся». Пока никаких конкретных планов относительно свадьбы, но, вероятно, наша помолвка будет довольно долгой. Ларе учиться еще два с половиной года, и я ни за что не посмею отвлечь ее от занятий приготовлениями к свадьбе. А это будет

пышное бракосочетание – о скромном и тихом можно уже не мечтать, так как дело в свои руки взяли мама и Лара.

Наверное, до свадьбы мне нужно успеть поездить по миру, ведь у меня осталось всего несколько лет холостой жизни. Подумываю о том, чтобы навестить в Оксфорде Харри, того самого приятеля, который присылал мне Ваши книги. Он заканчивает курс, а у меня в конце учебного года запланирован небольшой отпуск. Как только на пальце окажется кольцо, будет поздно думать о путешествиях!

Дэвид

Остров Скай

13 декабря 1913 года

Дэвид!

Я так рада, что Вы не сердитесь. Может, Вам это покажется забавным, но у меня мало друзей, во всяком случае, мало таких друзей, которые читают стихи, скачут верхом на коровах или носят кошмарные пиджаки в клеточку.

А почему Вы продолжаете писать странной шотландке с далекого острова в Атлантике? Рискуя показаться сентиментальной, все же признаюсь, что буду очень грустить по нашей переписке, если она прекратится.

Официально помолвлен? Вот как, да Вы растете, мой дорогой! Но пожалуй, мне следует одолжить Вам свой атлас камней и минералов, так как вы, кажется, путаете бриллианты с жемчугом.

Мы должны добавить взятие на себя обязательств к перечню того, за что Вы бесстрашно беретесь, отчаянный Вы мальчик. Боитесь ли Вы хоть чего-то? Определенно не администрацию колледжа. Может, своего отца? Лично меня сейчас больше всего пугает то, что чернила закончатся прежде, чем я завершу письмо. Дурацкая старая ручка! Вероятно, Вы прочитаете это уже после

Рождества, но я приготовила для Вас свой хваленый рождественский пудинг (в миниатюре). Ешьте на здоровье, желаю Вам замечательно провести праздники.

Элспет

Чикаго, Иллинойс, США

12 января 1914 года

С Новым годом Вас, Сью!

Вы правы, Ваш рождественский пудинг восхитителен! По своей сути он подобен фруктовому пирогу, который моя мать неизменно готовит для нас каждое Рождество. Она не заходит в кухню целый год, если не считать внесения поправок в меню в последнюю минуту. Но ежегодно перед началом рождественских праздников она облачается в фартук, отороченный кружевами и не более практичный, чем бумажная салфетка, и величественным жестом выгоняет всех из кухни. Возвращается она оттуда несколько часов спустя – вся в муке, измазанная патокой, с блеском в глазах, который можно объяснить только «снятием пробы» с бренди, но с пирогом в победно вытянутых руках. Обычно он обладает текстурой, цветом и вкусом булыжника с мостовой, но в канун Рождества мы все обязаны съесть по большому куску маминого фруктового пирога.

В этом году, Сью, нам повезло – мы ели Ваш изумительный рождественский пудинг. Иви и ее муж Хэнк потребовали, чтобы я предъявил им для изучения коробку, в которой он прибыл, дабы удостовериться в том, что я не разыгрываю их. Даже мой отец захотел добавки. Когда моя мать с видом ревнивой хозяйки попросила сравнить этот пудинг с ее фруктовым пирогом, мы торопливо заверили ее: «О, рождественский пудинг вкусный, но он очень… как бы это сказать… очень британский». Мы предоставили ей право самой решить, что означали эти слова.

Как Вы отметили праздники? Получили в этом году еще один новый чайник? С прискорбием сообщаю, что Санта-Клаус чайник не принес, но зато мне подарили

шикарную теннисную ракетку. Я с нетерпением жду, когда же растает снег, чтобы опробовать ее. Иви вышила для меня чудесную закладку для книг с надписью: «Книга – это сад в твоем кармане». А отец вручил часы – золотые, с толстой цепочкой. Он сказал, что они принадлежали его отцу, а до того – его деду. «Дэвид, теперь, когда ты стал мужчиной, – изрек он, – и определил направление своей жизни, тебе понадобится инструмент, чтобы помочь следовать выбранному пути. Куда идти, ты знаешь, а теперь будешь знать, когда идти». И вся его речь была такой же нудной, но мама утирала слезы, и даже Иви шмыгала носом. Часы красивые, но с ними я сам себе напоминаю своего дедушку. Я надеялся получить наручные часы, что-нибудь такое, что можно носить, когда водишь машину, катаешься на велосипеде, идешь в горы, и при этом не выглядеть так, будто миг назад вынырнул из девятнадцатого века.

Во время рождественских каникул отец был довольно любезен со мной. Но думаю, Вы правы: если я и боюсь кого-то, то только его. У меня получилось настоять на своем нежелании заниматься медициной, однако далось это мне без особых усилий лишь потому, что я прескверно сдал экзамены. Даже после всех его заявлений о том, что я «стал мужчиной», живу я по-прежнему в его доме и должен соблюдать его правила. Он не одобряет ничего, что я делаю, и никого, с кем я общаюсь.

Мне всегда казалось забавным, что мой друг Харри – единственный человек, который мог бы вызвать одобрение у отца, тогда как в реальности он терпеть моего друга не может. Харри я знаю с самого детства. Мы вместе ходили в школу, разглядывали анатомические справочники моего отца (если быть точным, то нас преимущественно интересовали страницы, касающиеся женской анатомии), вместе ходили на первые свидания под тем предлогом, что один в поле не воин. Семья Харри вращается в тех же кругах, что и наша, он, в отличие от меня, заканчивает медицинский колледж, у него блестящий ум, и он безупречно вежлив. Что может не устраивать в нем моего отца?

Острый ум можно использовать, как любое другое острое оружие, и Харри весьма скептически относится к снобизму тех общественных мероприятий, на которых мы вынуждены присутствовать. Хорошо, что большинство людей, ставших мишенью для шуток, не улавливают его сухого юмора и сарказма, а то его уже давно перестали бы куда-либо приглашать.

Уже прошло несколько лет с тех пор, как Харри уехал в Оксфорд. Время от времени мы с ним обмениваемся письмами – совсем не так часто, как мы с Вами,

и я очень жду встречи с ним.

А вот и рождественский подарок для Вас, Сью, эта пестренькая авторучка, чтобы ничто не помешало Вам писать мне.

Желаю удачного года,

Дэвид.

Остров Скай

28 января 1914 года

Уже четырнадцатый год, а конец света так и не настал!

Дэйви, как Вы могли назвать авторучку «пестренькой»! Она мраморной окраски с красными и черными прожилками, совсем как полированная палочка яшмы. Для начинающего геолога не найти ручки лучше этой!

На Рождество я получила новый набор мелков для рисования, но остальные мои подарки такие практичные, что скука берет: носки, три ложки, гигантский таз для мытья. Теннисные ракетки? Я никогда не играла в теннис, но наверняка это более интересная штука, чем таз.

Элспет

Чикаго, Иллинойс, США

14 февраля 1914 года

Дорогая Сью!

Я только что вернулся из Ишпеминга, Мичиган, куда мы с друзьями ездили кататься на лыжах. Вот почему запоздал с ответом. Когда я приехал домой, меня ждало не только Ваше письмо, но и письмо от Харри. Он предлагает мне приехать в Англию, совершить с ним нечто вроде прощального тура, а потом вместе поплыть обратно в Штаты. Я пока не знаю точного маршрута и дат, но Харри упоминал Эдинбург среди мест, которые хотел бы посетить. Возможно, это сумасшедшая идея, но, Сью, Вы должны приехать туда и встретиться со мной! Знаю, это не просто, но у Вас есть несколько месяцев, чтобы придумать, как заставить себя сесть на паром. Могу предложить в качестве подсобного средства большое количество виски.

Поздравляю с Днем святого Валентина!

Дэвид

Остров Скай

10 марта 1914 года

Дэвид!

Вы сошли с ума? Вы думаете, что сможете совершить то, что не смогли сделать все мои друзья и родственники? За всю мою жизнь никому еще ни разу не удавалось затащить меня на судно. А Вы считаете, что Вам это под силу? Вы считаете, что Дэвид Грэм обладает большей притягательной силой, чем даже университет? До чего же самоуверен этот мальчишка!

Элспет

Чикаго, Иллинойс, США

26 марта 1914 года

Сью!

Вы забыли, что мой отец – врач. У меня есть эфир.

Дэвид

Остров Скай

11 апреля 1914 года

Мой милый юноша!

Этого не то что недостаточно, но даже не близко к тому.

Э.

Чикаго, Иллинойс, США

28 апреля 1914 года

Дорогая Сью!

Подготовка идет полным ходом. Маршрут составлен, билеты куплены, номера в «Лэнгхэме» забронированы, и я готов ступить на борт корабля. Вопрос в том, готовы ли Вы, дорогая Сью?

Разумеется, Вам не менее моего хочется узнать, кто же это там, на другом конце письма. Вы ученый и художник, реалист и мечтатель. Любознательность – Ваше второе имя.

Дэвид

Остров Скай

6 мая 1914 года

Дорогой Дэвид!

Ну что ж, действительно, я уже сто лет не виделась со своими племянниками, которые живут в Эдинбурге. Они бы очень обрадовались приезду тетушки, как Вы считаете?

С ответным письмом буду ждать от Вас флакон эфира. А лучше ведро.

Э.

Чикаго, Иллинойс, США

21 мая 1914 года

Сью!

Не трепещи, о мое сердце! Неужели это правда? Сью собирается покорить ради меня океан?

Если все пойдет хорошо, мы прибудем в Эдинбург шестнадцатого, и я не смогу ждать дольше ни дня. Семнадцатого в полдень? У собора Святой Марии на Йорк-плейс?

Скрестил все, что только можно.

Дэвид

ПОЧТОВЫЕ ТЕЛЕГРАФЫ

ОТД 5.55 ЭДИНБУРГ 25

18 ИЮНЯ 14

Э. ДАНН ОСТРОВ СКАЙ=

ЖДАЛ У СОБОРА КАК ПЛАНИРОВАЛИ ГДЕ ВЫ

ПОЖАЛУЙСТА ОТВЕТЬТЕ=

ДЭВИД КАЛЕДОНИАН-ОТЕЛЬ+

Ливерпуль, Англия, Великобритания

22 июня 1914 года

Что случилось, Сью? Я думал, мы договорились. Или паром оказался Вам не под силу? Вам повезло, что я не из тех, кто долго дуется. Но Вы же понимаете, что обязаны как минимум объясниться! Отговорки вроде разгневанного водяного коня не принимаются.

Поездка получилась замечательная. Мы с Харри должны были наверстать упущенное за годы разлуки. Он не самый аккуратный корреспондент, да и я, пусть это Вас не удивляет, тоже. Только с Вами, кажется, пробуждается во мне неиссякаемый источник слов.

Харри завел себе подружку, Минну. Это скромная на вид девица, которая сочиняет невыносимо слащавые вирши. Я познакомился с ней: очень вежливая, но весьма кокетливая. Во время нашей встречи она половину времени посвятила обсуждению погоды и цен на чай, а вторую половину – тому, чтобы затащить

Харри в один из многочисленных углов просторного дома ее родителей. Ей всего восемнадцать лет, и потому, что бы ни заявляла определенная часть анатомии Харри, его голова должна была быть достаточно холодна, чтобы не позволить ему задать сакраментальный вопрос прямо сейчас. Он направляется в Штаты, планирует поступить в медицинскую школу и открыть сберегательный счет, и надеется (пусть и не слишком пылко!), что Минна тем временем разовьет в себе хотя бы еще одно увлечение или навык, помимо затаскивания его в спальню при каждой возможности. Харри не рассчитывает, что Минна будет верной, но мы все равно подняли тост за то, чтобы она попыталась.

Города, которые мы посетили, мне понравились, но, честно говоря, даже если бы я просидел все это время в Урбане, все равно остался бы доволен – при условии, что Харри был бы со мной. Не слишком ли сентиментальны мои слова? Он начал курить трубку и писать стихи (все теперь стали поэтами?). А во всем остальном он все тот же старый Харри, и мы чувствовали себя мальчишками. Уверен, в ряде случаев мы и вели себя как маленькие мальчики.

Мы готовимся к посадке на корабль, но я хотел написать Вам прежде, чем покину Великобританию. И еще мне нужно докупить сувениров. Я спрашивал Флоренс, что привезти ей в подарок из поездки, и она твердо потребовала английского пони. Не думаю, что пони поместится в мою отдельную каюту (во втором классе они совсем небольшие), но разве мог я отказать в просьбе своей любимой малышке?

Харри собирается отправить Минне еще одну телеграмму и предложил захватить на почту и мое письмо, так что на этом я заканчиваю. Буду ждать от Вас ответа, а точнее, подробных объяснений и смиренных извинений! Больше никаких секретов, Сью!

Дэвид

Остров Скай

3 июля 1914 года

Дэвид!

Должна сказать, что очень удивилась, так скоро получив от Вас письмо; потом я заметила, что отправили его из Англии, то есть ему не пришлось далеко путешествовать.

У Вас есть полное право сердиться на меня. У нас был уговор. Подумать только, Вы пересекли целый океан, чтобы встретиться со мной. Мне же нужно было переплыть на пароме пролив.

И что же мне помешало, спрашиваете вы. Моя старая боязнь воды стала бы удобным оправданием. Но, увы, мои страхи на этот раз еще глупее, возможно даже – еще примитивнее. Я боюсь, что, если мы встретимся, исчезнет тайна. Или мы не поладим так, как ладим на бумаге. Что, если наш разговор лицом к лицу не потечет столь же свободно? В соборе Святой Марии Вы ждали воображаемую Элспет Данн. Я не хотела разочаровывать Вас ее реальной версией. А если бы Вы сочли меня слишком невысокой? Или слишком старой? Что, если бы Вам не понравился звук моего голоса? Я просто хочу, чтобы все оставалось так, как есть, чтобы я была загадочной и, надеюсь, интересной.

Я в самом деле намеревалась приехать. Верьте мне в этом. Что касается секретов, которые, как Вы считаете, я прячу, то да, есть еще один. Но пока я его не раскрою Вам, потому что знаю: Вы будете смеяться до упаду, когда услышите.

Харри кажется мне безупречным другом. Я бы сказала, что надеюсь познакомиться с ним когда-нибудь, но вряд ли это будет возможно сделать без встречи с Вами, а это мы уже обсудили!

Элспет

P. S. Хочу надеяться, что не все стали поэтами, а то я останусь без работы!

Чикаго, Иллинойс, США

15 июля 1914 года

Сью, Сью, какая же Вы смешная. А Вам не приходило в голову, что я тоже переживал из-за тех же самых «что, если»? Это мне было выгодно избежать личной встречи, чтобы Вы не увидели, какие большие у меня ступни и как неуклюж я становлюсь, как только покидаю танцпол. Думаю, сейчас Вы обо мне хорошего мнения (если закрыть глаза на мое пристрастие к клетчатым пиджакам). Ведь я же дьявольски красив. Невероятно умен. Остроумен и вообще блестяще одарен. Зачем мне рисковать всем этим? Ваши иллюзии исчезли бы в один миг, едва я бы произнес «здравствуйте». Но ради неуловимого шанса встретить Вас… Все мои опасения блекнут по сравнению с такой возможностью.

Мы уже переписываемся… сколько, года два примерно? (Пишу это с некоторой небрежностью, как будто не храню каждое письмо, полученное от Вас.) Право же, какие могут быть загадки после стольких лет? Мы поведали друг другу о своих затаенных страхах, признались в наших тайных стремлениях. Я знаю Вас, Сью, и думаю, что Вы тоже знаете меня. Если бы я сидел сейчас перед Вами, говоря эти слова, то, как мне кажется, они не потеряли бы для Вас своего значения, даже если бы Вам не понравился мой американский акцент.

Сью, подумайте о том, что происходит, когда Вы впервые кого-то видите. Нужно преодолеть всю эту поверхностную чепуху, разницу акцентов и новизну клетчатых пиджаков. Сначала оценивается внешность. Только после того, как вы сочли друг друга достойными, можно приступать к собственно знакомству, начинать осторожное «прощупывание» характера и ума, узнавать, что волнует собеседника, что вызывает у него слезы, а что – смех, что заставляет дрожать. Нам с Вами повезло: не пришлось нервничать из-за первого этапа – из-за визуальной оценки. Мы сразу приступили к самому интересному – измерению глубины и ширины души друг друга.

Не знаю, как Вам, а мне это нравится. Меня тошнит от необходимости думать о том, считают ли меня окружающие люди достаточно взрослым, или достаточно респектабельным, или каким-то еще, меня тошнит от необходимости быть вежливым и выказывать заинтересованность. Когда я пишу Вам, мне не нужно думать об этой ерунде. Не нужно переживать из-за своих больших ног. Я могу отбросить скорлупу (простите мне банальную метафору) и обнажить сверкающие ядра моих мечтаний, страстей и страхов. Они Ваши, Сью, можете погрызть, если хотите! Со щепоткой соли они бесподобны.

Ну а после всего этого Вы просто обязаны раскрыть мне Ваш новый секрет. Я поклянусь, что не стану смеяться. По крайней мере, не так громко, чтобы мой смех долетел до Шотландии…

Я начинаю клевать носом и потому вытащил часы. Не признаюсь Вам, который сейчас час ночи, но на улицах уже давно все стихло. Надеюсь, Вы спите крепче, чем я в эти дни!

Дэвид

Остров Скай

18 августа 1914 года

Дэйви!

Куда катится наш мир?

Восемь недель назад я стояла на пирсе и пыталась набраться храбрости, чтобы ступить на паром. Я не спускала глаз с горизонта, потому что знала: если я поеду ему навстречу – навстречу Вам, то все изменится. Изменится не обязательно из-за того, что я поеду, а из-за того, что уеду. Женщины вроде меня не пересекают воды ради рандеву с очаровательными американцами. Они сидят дома и ждут, когда вернутся лодки мужей.

И потому я пошла домой, чтобы перечитывать Ваши письма и притворяться, что я не стояла в шаге от парома. Пошла домой, чтобы ждать, когда вернется Йэн с поисков сельди в проливе Норт-Минч. Пошла домой, чтобы придумать, как сказать ему о том, что после стольких лет я наконец беременна.

В тот день, когда он появился, я была в саду, вешала белье, стоя по щиколотку в грязи. Он открыл ворота, уронил свой рыбацкий мешок на землю и сказал хмуро: «Началась война».

Дэйви, вдруг стало так холодно. Моя новость оказалась забыта. Я спросила, какая война, но Йэн просто вручил мне газету.

Четырьмя днями ранее Великобритания объявила войну Германии. Пока я сидела одна в своем коттедже, читая старые письма и укрепляясь сердцем, мир ушел воевать.

Йэн заявил, что вступает в армию, заехал собрать вещи. Он только что пришел и уже уходит снова. И ради чего? Почему он решил, что эта война имеет к нему какое-то отношение? К нашему острову? К нам? «Наш мир уже исчез, – сказал он. – Я не могу его вернуть, но уж не сомневайся, сделаю что угодно, чтобы все остальное тоже не разлетелось на куски».

Дэйви, он был так спокоен. Я помню, как посмотрела поверх его плеча, пока он говорил, и заметила чайку. Она летела словно во сне – медленно-медленно. Даже овцы притихли. Весь остров остановился, чтобы послушать его слова. Как будто в них был какой-то смысл! И внутри меня возникла острая боль; я не сомневалась, что это болит пресловутое «разбитое сердце».

Позже в тот день я узнала, что потеряла ребенка, которого носила. Это был непрошеный ребенок, но нежеланным он не был. У меня было время, чтобы привыкнуть к мысли, но теперь – его нет, осталось только ощущение пустоты. Наверное, я с самого начала была права. Наверное, вселенная никогда не предназначала меня на роль матери. Вот так я потеряла мужа, ребенка и спокойный мир, который знала. Спустя несколько дней Йэн вместе с Финли и другими добровольцами отправился маршем на обучение.

О Дэйви, я так жду твоего письма. Мне нужно доброе слово, нужна шутка, нужна твоя фотография, где ты в глупом клетчатом пиджаке. Мне нужно забыть о том, что происходит вокруг.

Элспет

Глава восьмая

Маргарет

Эдинбург

Среда, 24 июля 1940 года

Многоуважаемый сэр!

Прошу простить за это неожиданное письмо. Я даже не уверена, что обращаюсь к нужному мне Финли Макдональду.

У меня есть основания полагать, что Вы являетесь моим дядей. Моя мать – Элспет Данн, родом с острова Скай, теперь проживающая в Эдинбурге.

Этот адрес мне сообщила кузина Эмили Макдональд (дочь Аласдера), а она сама отыскала его после Вашей случайной встречи в Глазго. Я никогда не видела ни одного из своих дядей, но очень хотела бы исправить упущение и познакомиться с ними.

Могу ли я писать Вам?

Искренне Ваша,

Маргарет Данн.

Глазго

25 июля

Маргарет!

Разве Вы уже не сделали этого?

Финли Макдональд

27 июля 1940 года

Милая Мэйзи!

Я снова в воздухе! И очень вовремя. Тут, на юге, нас бьют по всем фронтам. Я весь извелся, пока был вынужден торчать на земле. Как дела в Эдинбурге? Ты уже отправила письмо дяде? Ответ пришел?

Люблю,

Пол.

Эдинбург

Понедельник, 29 июля 1940 года

Милый Пол!

Он написал. В некотором роде. И поскольку он не отверг предположение, что он мой дядя, и не проигнорировал меня полностью, я делаю вывод, что да, он действительно интересующий нас Финли Макдональд. На мой вопрос, можно ли мне писать ему, он ответил только: «Разве Вы уже не сделали этого?» Никаких сомнений в том, что он мой родственник. У него такой же колючий сарказм, как у мамы.

Я не буду ему писать. Ведь в переписке с ним мне пришлось бы взвешивать каждое слово и каждую букву, чтобы лишить его возможности посмеяться надо мной. А это слишком тяжелый труд. Ну почему у меня не нашлось давно потерянного дяди, который объявил бы меня своей единственной наследницей или подарил бы мне бесценную коллекцию артефактов южных морей, как бывает в книгах? Или, по крайней мере, находился бы в сумасшедшем доме? Да,

точно, я читала что-то подобное. Дядюшку-психа я смогла бы вынести. Но язвительный ответ? Вряд ли.

Маргарет

P. S. Не спрашивай об Эдинбурге. Тысячефунтовая бомба в порту, зажигательные снаряды вдоль железнодорожных путей и в Грэнтоне. Мама с ума бы сошла, если была бы сейчас здесь. А теперь мне приходится волноваться и о тебе. Пожалуйста, будь осторожен.

31 июля 1940 года

Милая Мэйзи!

Где твоя любовь к приключениям, которая так меня восхищала? Где то желание узнать, что там, за следующей вершиной, где та готовность погрузиться с головой в любую авантюру в надежде, что хотя бы на мгновение у тебя займется дух? Я всегда говорю своим здешним товарищам, что если бы моя невеста была мужчиной, то они ни за что бы не угнались за ней в небе.

Не переживай обо мне ни секундочки. В кармане у меня всегда лежит твоя фотография, и пока я смотрю в твои чудесные глаза, удача не покинет меня.

Ты понимаешь, конечно, что нежелание дяди ответить тебе по-человечески намекает на еще одну захватывающую тайну. Вперед, Ватсон, вперед! Игра началась!

Люблю,

Пол.

Эдинбург

Пятница, 2 августа 1940 года

Милый Пол!

Я сделаю это. Для тебя. И только для тебя.

Мэйзи

Эдинбург

Пятница, 2 августа 1940 года

Многоуважаемый сэр!

Или мне следовало сказать «дядя Финли»?

Признаюсь, Ваш ответ озадачил меня. Был ли это отказ? Намек на нежелательность дальнейших контактов? Неявное разрешение написать снова?

У меня так много вопросов о моей матери, о том, что она никогда не рассказывала мне. Вам не придется пить со мной чай или присутствовать на моей свадьбе. Я прошу лишь о нескольких минутах Вашего времени. Пожалуйста, расскажите мне о маме. Помогите заполнить пробелы в «первом томе» ее жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzhessika-brokmoul/pisma-s-ostrova-skay-2/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Корнет (фр. cornet) – духовой музыкальный инструмент в виде узкой трубки с небольшим расширением с одной стороны, получивший широкое распространение в XVI–XVII вв.; звук инструмента пронзительный, как у трубы в высоком регистре.

2

Махэр – мама (гэльское).

Купить: https://tellnovel.com/dzhessika-brokmoul/pisma-s-ostrova-skay-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити